

ПИСЬМО КНЯЗЯ В. Ө. ОДОЕВСКАГО КЪ М. И. ГЛИНКЪ *).

Вотъ тебѣ партитура „Меден“, любезный другъ Михаилъ Ивановичъ; насилу отыскалъ ее: такъ хлопотна моя жизнь, что съ дачнаго переѣзда не успѣлъ еще привести въ порядокъ мою библиотечку. За Испанскую твою штуку спасибо. Какъ ее по имени и по отечеству, не знаю. Чтò мнѣ сказать тебѣ про нее? Прекрасно, какъ все чтò выходитъ изъ подъ твоего лѣниваго пера, ибо ты лѣнишься изъ рукъ вонъ. Право, грѣхъ! Отъ этого у тебя выходятъ прелестные карапузики, головка, туловище—чудо, а ножки приказали кланяться! Въ твоей Испанской *барынь* всего 480 тактовъ; мало, весьма мало; но чтò хуже, на нихъ всего 18—20 тактовъ *de peroraison*—всегаки не въ мѣру. Едва слушатели успѣли развѣсить уши и разинуть рты, какъ и *шрамъ*, конечно! Пойми, и что *тебя хотятъ слушать*, хотятъ домо слушать, и что публику надобно кормить *жеванымъ*; нежеванаго она не перевариваетъ и, бросившись съ жадностію на лакомый кусокъ, жалуется на индигестію. Бога ради будь подолговязѣе. На твою Испанскую барыню смотрю какъ на первую часть *du premier morceau*: жду второй части и если въ тебѣ еспаньолизмъ все гомозится, отъ чего бы не написать *Испанскую симфонію*, гдѣ напр. *Iota aggranduosa* (кажется, такъ она называется?) могла бы занимать мѣсто *intermezzo*, если уже тебѣ не хочется болѣе развивать ее?

Я бы давно къ тебѣ заѣхалъ, но хлопотъ полноъ ротъ съ огромною лотереєю, которую мы затѣяли для Общества посѣщенія бѣдныхъ. Одна повѣрка нумеровъ билетовъ занимаетъ цѣлые дни, а еще бѣда: у жены ревматизмъ въ ногахъ, и она едва можетъ пройти по комнатѣ. Но на дняхъ удосужусь и ужъ какъ хочешь притащу тебя къ себѣ, напр. въ Пятницу. Ась? Твой всею душою князь В. Одоевскій.

21 Октября 1851.

*) Это письмо передано было на память М. И. Глинкою П. П. Дубровскому съ слѣдующею надписью: „Доброму и любезному сотоварищу въ жизни въ знакъ пріязни и памяти, Михаилъ Глинка. 29 Октября 1851 года, С.-Петербургъ“.